

Фортова Любовь Константиновна

д-р пед. наук, канд. юрид. наук, профессор

Шеенков Андрей Александрович

студент

ФКОУ ВО «Владимирский юридический

институт ФСИН России»

г. Владимир, Владимирская область

В ПОИСКАХ ТОЧНОСТИ. ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА

Аннотация: в предлагаемой статье авторами осуществлен анализ современных научных подходов к definiciji «правовой мониторинг» и сделана попытка оценки перспектив дальнейшего развития разработки данной темы.

Ключевые слова: законотворчество, правовой мониторинг, деятельность органов государственной власти, правовое регулирование, нормативные правовые акты, противодействие коррупции.

Вряд ли кто-то будет всерьез спорить с тем, что политика любого вменяемого государства в области правового регулирования общественных отношений в первую очередь направлена на то, чтобы участники этих отношений во всей своей деятельности неукоснительно (насколько это возможно) следовали предписаниям закона [1]. Обеспечение надлежащего исполнения данной обязанности диктует необходимость строгой формальной определенности терминов и понятий, используемых как в законодательстве, так и в научной юридической литературе. В этой связи уместно будет вспомнить идеальное, «золотое» правило юридической техники, которое находит свое выражение в формуле «одно слово – один термин – одно явление правовой действительности».

Такой серьезный подход к юридической словесности представляется нам более чем оправданным, ведь по сути своей юриспруденция – наука смыслов, терминов, понятий. Вся история юриспруденции – и как науки, и как области

практической человеческой деятельности – это история борьбы за ясность, кристальную четкость формулировок, исключающих трудности при толковании и применении. По меткому и по-своему поэтичному замечанию комментатора на юридическом форуме, «...такое впечатление, что где-то в высокой законодательной башне из слоновой кости сидит мечтатель, играющий в бисер всеми этими словами в бесконечных попытках найти юридический философский камень и высечь на нем такой текст, который бы описывал все с абсолютной, невозможной на земле точностью, непогрешимый как грааль, как горний чертог, вечный как самый бог, и вот, вот уже, кажется, идеал близок, вот еще усилие и абсолют будет достигнут, совершенный текст рожден... но нет, опять какой-нибудь Клишас или Яровая вносят очередные поправки» [2].

В связи с этим становится понятно, почему в новых, находящихся в стадии активного становления и развития областях юридического знания столь значителен удельный вес публикаций, проходящих по разряду «споров о словах». В ходе активной, многолетней дискуссии уточняются термины, определения и формулировки; неудачные и туманные отбрасываются, удачные дополняются и отшлифовываются. Со стороны это занятие может показаться довольно-таки бессмысленным и даже нелепым, но на самом деле оно исполнено глубоким значением. Здесь мы просто согласимся с Г.К. Честертоном: «— Не будем спорить о словах, — сказал незнакомец. — Почему? — спросил Макиэн. — О чем же тогда спорить? На что нам даны слова, если спорить о них нельзя? Из-за чего мы предпочитаем одно слово другому? Если поэт назовет свою даму не ангелом, а обезьяной, может она придаться к слову? Да чем вы и спорить станете, если не словами? Движениями ушей?» [3].

Однако до идеала еще очень и очень далеко, да и достижен ли он? В юридической сфере скорее всего нет, ведь право призвано отражать текущие общественные отношения, быть адекватным современному состоянию общества. «Всеобщая теория всего» в области юриспруденции невозможна. Абсолютная

2 <https://interactive-plus.ru>

истина, вечный Закон для всех и на все времена, абсолютный суд – суть категории скорее теологии, нежели юриспруденции.

Даже самого беглого знакомства с содержанием публикаций, посвященных анализу и изучению правового мониторинга будет достаточно, чтобы констатировать печальное отсутствие единства мнений среди исследователей, сделавших данную антикоррупционную технологию, по праву занимающую важное место в механизме реального осуществления законов и иных нормативных правовых актов, предметом своего научного интереса. Налицо наличие проблемы – неопределенность теоретико-практического знания относительно того или иного правового процесса, явления.

Собственно говоря, термин «правовой мониторинг» не одинок в своей неопределенности. Как отмечают В.И. Батюк и В.Н. Галузо, компании ему составляют даже такие, казалось бы, устоявшиеся и бесспорные юридические термины, как «законодательство» и «правоприменение» [4].

К настоящему моменту в современной юридической литературе сложились и оформились различные подходы к трактовке правового мониторинга. Авторами посвященных данной проблематике работ используются такие понятия, как: «правовой мониторинг» [5], «мониторинг нормативных правовых актов» [6], «мониторинг правового пространства» [7], «мониторинг правоприменительной практики» [8]. Несмотря на богатую палитру подходов и мнений, большинство авторов едины в том, что терминологический разнобой пагубно сказывается на продуктивности научной разработки данной темы, поскольку или чрезмерно расширяет, или излишне сужает понятие правового мониторинга и пределы практической деятельности по его осуществлению.

Так, например, С.А. Варкова оперирует термином «мониторинг законодательства и правоприменительное практики» и относит его к числу юридических научных категорий, практическое воплощение которой чрезвычайно многоаспектно: это и первоначальная стадия правотворческого процесса, позволяющая

выявлять потребность в правовом регулировании той или иной области и общественных отношений; и средство оценки юридической эффективности норм права; и средство по выявлению нарушений законности [9]. В данном случае налицо одна из упомянутых выше проблем: неоправданное расширение поля практического применения правового мониторинга.

По мнению А.К. Балдина, термин «правовой мониторинг» вполне может объединить дефиниции, предлагаемые другими авторами, такие как «мониторинг законодательства», «мониторинг правоприменительной практики», «мониторинг правоприменения», «мониторинг нормативных правовых актов», «мониторинг правоохранительной деятельности». По своему содержанию правовой мониторинг трактуется автором как межотраслевой комплексный институт как публичных, так и частных отраслей права. В связи с этим отмечается интересный парадокс: порядок проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов регулируется специальным федеральным законом, в то время как регулированию правового мониторинга со всей его комплексностью, трансграничным межотраслевым характером и значительно более обширным правовым содержанием посвящен всего лишь подзаконный акт – Указ Президента России. В своей работе А.К. Балдин подчеркивает, что в современной юридической научной литературе многократно формулировались обоснования необходимости принятия закона, закрепляющего основы организации и проведения мониторинга правоприменения. По мысли исследователя, указанный закон смог бы выработать и нормативно установить единую позицию по вопросу определения данного понятия, четко дифференцировать виды мониторинга правоприменения, установить соотношение со смежными правовыми институтами, в первую очередь – с институтом антикоррупционной экспертизы [10]

М.В. Алексеева определяет правовой мониторинг как деятельность по мониторингу законодательства и правоприменительной практики, и с учетом ста-

тусной значимости правовой системы эта деятельность должна иметь институциональное оформление на уровне закона. Однако, в силу существующей методологической проблемы, связанной с отсутствием определенности в конкретном смысловом наполнении понятия «правовой мониторинг», федеральный закон, устанавливающий основы организации и порядок проведения правового мониторинга, до настоящего момента еще не принят, а в нормативных правовых актах (как действующих, так и разрабатываемых) по-прежнему наблюдается отсутствие терминологического единства. Так, предложенный Минюстом России проект федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации», включает в себя состоящую из двух статей главу 12 «Мониторинг нормативных правовых актов (правовой мониторинг)», однако речь в ней идет лишь об осуществлении мониторинга. В то же время Указ Президента РФ от 20.05.2011 №657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» оперирует дефиницией «мониторинг правоприменения», оставляя таким образом в фокусе внимания исключительно стадию правоприменительного процесса и выводя за пределы мониторинга стадии разработки и принятия нормативных правовых актов [11]. Хочется надеяться, что когда-нибудь «закон о законах» будет принят и положит конец противоречиям и путанице, однако, судя по тому, что в настоящее время размещенный на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов (regulation.gov.ru) вышеуказанный проект Федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации» помечен статусом от 24.03.2017 – «Отказ от продолжения разработки», ясность в данном вопросе наступит еще нескоро.

Радикальный подход к решению данной проблемы демонстрируют В.И. Батюк и В.Н. Галузо, предлагая, ввиду многозначности термина «мониторинг», отказаться от его использования относительно законодательства и правоприменения Российской Федерации. Правовой мониторинг в том виде, в каком он существует на сегодняшний день, квалифицируется авторами как

«бесплодная попытка формирования новой формы обеспечения единообразного исполнения законодательства», в чем нет никакой нужды, поскольку в качестве единственной возможной формой обеспечения единообразного исполнения законодательства в Российской Федерации является прокурорский надзор [4]

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что вопрос понимания сущности правового мониторинга в российской правовой науке остается дискуссионным; в работах, посвященных исследованию данной темы имеются существенные различия по объему и содержанию понятия правового мониторинга. В то же время, абсолютное большинство ученых (как упомянутых, так и не упомянутых в настоящей статье) едины во мнении, что правовой мониторинг является многоаспектным явлением, представляющим собой, с одной стороны, институт права, с другой стороны – комплексную систематическую деятельность, направленную на постоянный анализ эффективности законодательства и правоприменения.

Список литературы

1. Фортова Л.К. Правовое поведение несовершеннолетних и его детерминация // Нравственно-правовое воспитание учащейся молодежи: избр. тр. – Владимир: Шерлок-пресс, 2018. – С. 5.
2. Комментарий к статье А. Дуюнова «Юридическая техника. Слова – смысловые паразиты в налоговых законах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2019/02/13/yuridicheskaya_tehnika_slova_-_smyslovye_parazity_v_nalogovyh_zakonah
3. Честертон Г.К. Шар и крест. – М.: Директ-Медиа, 2016.
4. Батюк В.И. Допустим ли мониторинг по отношению к законодательству и правоприменению в Российской Федерации? / В.И. Батюк, В.Н. Галузо // Право и государство: теория и практика. – 2014. – №3. – С. 146–152.
5. Фадеева А.С. Аналитическая функция правового мониторинга: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 14.

6. Арзамасов Ю.Г. Роль мониторинга нормативных актов для систематизации российского законодательства / Ю.Г. Арзамасов, Я.Е. Наконечный // Юридическая техника. – 2008. – №2. – С. 31–35.
7. Жужгов И.В. Мониторинг правового пространства Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2006.
8. Берг Л.Н. Мониторинг правоприменительной практики // Бизнес, менеджмент и право. – 2009. – №1 (18). – С. 78–82.
9. Варкова С.А. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики (теоретико-правовое исследование): авторф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013.
10. Балдин А.К. Антикоррупционная экспертиза и мониторинг правоприменения как два институциональных элемента системы профилактики коррупции: соотношение и взаимное влияние // Право и государство: теория и практика. – 2012. – №5. – С. 41–45.
11. Алексеева М.В. К вопросу об актуальности института правового мониторинга для конституционного права Российской Федерации // Российская юстиция. – 2017. – №11. – С. 47–49.